

СТРАНСТВИЯ

I.

Дождь кончился. Прохладно было даже не для экватора, для средней полосы, а ехал в тропики! Ну что ж, беда невелика, как говорил Гандлевский. Вышел пройтись по городу. Добрел до сквера перед собором, на скамейку отдышаться присел. Здесь трудно пешеходам - что ни переулок, то бежит наверх, Сизифу подражая; местный житель сух и поджар, что греческий атлет, без всякого спортзала. Да, присел на лавочку. Вообще, в чужих краях любая жизнь волнует сердце, ибо ты одинок, свободен, незащищен, а значит, молод.

Ряды кирпичных башен в отдаленье карабкались по склону, над горами зелеными сияла радуга, белели, заплатками нехитрых огородов окружены, сараи самостройка.

А в в воздухе тяжелом состязались отряды ярких мыльных пузырей с бледнеющею радугой, торговец игрушечными птицами кидал их в высоту, и те всю резвились бия крылами на резиновом приводе, под взглядами своих живых соперниц, чернофигурных, как аттические вазы, ревнующих и плачущих о прошлом.

А между тем военный вертолет ревел в недобром небе, совершая огромные круги. «Повстанцы, - думал я, - наркобароны. Трудно, беспокойно.»

И то сказать – одиннадцать жандармов (я посчитал) по скверику ходили сосредоточенно, как всякий страж порядка. Вдруг дернулась одна из их овчарок,

срываясь с поводка, к моей скамейке. Я,
признаться, вздрогнул. Молодой сержант,
напрягся, посуровел, оживился,
увидев под скамейкой дурачка-
крысенка, тут же подозвал, смеясь,
товарищей. Зверек несчастный сжался
от страха, окруженный псами
и великанами, лопочущими что-то
на благородном языке конкисты.
А девушка-жандарм с индейским
разрезом глаз уже почти сняла
намордник со своей овчарки, но
начальник седовласый без улыбки
качнул суровой головой. И было много
охотничьих восторгов. Наконец
один жандарм нашел в густой траве
осколок кирпича и запустил
его в зверька. Тот тихо пискнул,
и дернулся, и отошел туда,
где ни гражданских войн, ни кокаина,
ни престарелых глиняных соборов.
Жандармы разошлись, пластмассовая птица
застряла в ветках пальмы. Пожилые
ходатаи на стульчиках складных
печатали на пишущих машинках
прошения в полицию для робких
крестьян. И бородатый гитарист
с повязкой на глазах признательно кивал,
когда невидимые доброхоты
бросали нержавеющие деньги
в его двухцветную соломенную шляпу.

II.

Богатые не ездят в Коктебель,
который при царе горохе нашей
Италией считался, голубей
и призрачней, чем в среднерусской чаше
разбавленное небо. И, в сезон
переполняясь публикою средней
руки, к началу октября пустеет он,
как сердце опустеет в час последний.

Где грохот сахариновой попсы?
Где барышни, искательно и робко
хихикающие? Мальчики, усы
приглаживающие? С заморской газировкой
киоски? «Кушать – только у татар».
«Я весь сгорел». «Ведь мы договорились!»
«Какой портвейн – амброзия, нектар!»
Разъехались, распались, растворились

в пространстве. Или времени? Не суть.
Они же братья – вместе разделяют
и властвуют. Бледнеет Млечный путь.
Хозяйская овчарка тихо лает
на чью-то тень. Настойчив и горюч
живой прибой. Пустыня внемлет Богу.
Торчит в замке забытый длинный ключ.
Мир вообще пустеет понемногу -

то в дискотеке пляшет подшофе,
то смотрит виновато, то не верит
в смерть, то в прибрежном морщится кафе,
то съеживается, как подросток перед
ударом розги. Что, дружок Харон,
тяжел твой челн? Волна – неоспорима?
И листьями сухими испещрен
мой школьный табель, поздний берег Крыма.

III.

Он был не просто бомж, а изрядный бывший поэт. Сутул,
опрятен, с речью нескладной, носил он с собою стул
складной, чемоданчик, и буковый ящик из-под вина носил,
и в отличие от бродяг настоящих, милостыни не просил.

Наша жизнь - ноль, бормотал, неволею скручена, отравлена сулемой.
В Нью-Йорке в марте пахнет магнолией и цветами сакуры, Боже мой!
И в оттаявший парк любители-лабухи привозят рояль – и труды
легки,
когда слушают Баха под эти запахи разнополые юные лопухи.

Какое же множество праздных и добрых собралось под открытым
небом в час
быка и медведя. Поставлю автограф, сочиню элегию на заказ.
Мы живем в королевстве фальшивых денег, лениво думал он,
и хрустел огурцом, на острых коленях держа обшарпанный
ремингтон.

Да, к нему и ленты уже не купишь, и клавишу треснувшую в груди
не сменишь. Любому покажет кукиш старуха-смерть, погоди,
твердил про себя он, к любому опию привыкаешь. А где ответ?
Разложенные на ящике ксерокопии иногда покупали, но чаще – нет.

Я, признаться, привык к бездомному этому, скучал, когда он исчез
без следа, как водится между поэтами и всеми прочими. Наотрез
не хочется верить, что дух его, хмурясь, носится, удручающе тих,
в краях суматошных тридцатых улиц, а может, сороковых...

IV.

Вышивая китайским бисером, женщины молча глядят в окошки
на розовые столбы дыма и пара над крышами приземистого городка.
Небольшое солнце коптит, словно китовый жир в каменной площадке.
Топят мазутом, в навигацию привезенным на танкере с материка,

добытым где-то в Дубае. Пахнет смерзшейся музыкой и забвеньем.
Посвистывает поземка, шуршит снежной крупой. У-у! О-о!
Мужчины закусывают контрабандный спирт тюленьим
салом, и глаза у них покрываются сонной пленкой. Ничего

не скажешь – славно устроена жизнь в столице. Всякий день самолеты
доставляют чипсы и молоко, кока-колу и противоцинготный лук.
Кинотеатр есть и спортзал. «А больница хорошая?»

«Разумеется, что ты!

С пунктом предотвращения самоубийств и стационаром
для чахоточных». Клуб –

роскошнее некуда. Библиотека в три тысячи книг с открытым
доступом. Бережно пьем дефицитное пиво. Хозяйка

показывает образцы

мыльного камня, из которого режет на продажу фигурки.

Он схож с нефритом,

по цвету, но мягок и теплоёмок. Темнеет рано. Во все концы

света плывут волны тьмы, северного сияния волны.

Звезды огромны. Слово

звучит приглушенно, сыплется дальними огоньками

на погребальный лед

залива. Это наши ребята на снегоходах возвращаются с зимнего лова,
говорит она с гордостью. Дай им Бог знатной добычи

и вечера без забот.

V.

Художник нам изобразил
почти последний день Помпеи,
скрипучих красок портупей
на холст, как розы, положил.
На заднем плане там вулкан
огонь и лаву изрыгает.
За истуканом истукан
с вершины храма упадает.
А перепуганный народ,
включая женщины, и дети,
и стариков седобород,
бежит, спасение в предмете
имея, за город, в поля,
вопит, утрачивая разум –
и вся окрестная земля
заражена сернистым газом.

Печально это полотно,
сей памятник людским мученьям!
Зато пропитано оно
аллегорическим значеньем.
Упал языческий кумир
эпохи эпиграмм и танцев,
так погибал античный мир
с приходом варваров-германцев!
Изящно умирал, с таким
восторгом! Ядом пахли розы.
Герои падали ничком,
приняв пластические позы,
и зритель радуется, ибо
какой бы пепел ни летел
по небу черному, в изгибах
их полуобнаженных тел
сквозит гармония. Художник!
Певец наездниц в декольте!
Не зря ты ставил свой треножник,
молясь добру и красоте!

И я от смерти не успею
сбежать – одет ли, нагишом.
Как много ящериц в Помпеях,
на этом кладбище большом!
Вольно приезжим ротозеям
блуждать меж собственных могил,
и сетовать, что по музеям
развезены все фрески. Был
отменный град, а стал неважный –
иссушенный, малоэтажный.
Харчевня, булочная, дом
терпимости. С таким трудом
мы создаем свою вселенную,
засыпанную пеплом. Для
чего, сухая и мгновенная,
крошилась желтая земля
под плугом, и глаза воловьи
разглядывали мир с любовью
и благодарностью? Труды
и дни. Железный век случайней,
чем бронзовый, зато печальней
и дольше...

VI.

Думает лысый – паршиво идут дела.
Мысли мои скудны, голова гола
и похожа на череп, обросший обвисшей кожей,
тот, которому впору лежать в песке,
с дождевым червем, свернувшимся на виске,
с мертвой мечтой в зубах, на кроличью кость похожей.

А волосатый рассчитывает: в юбилей
сбациаю стрижку тысяч за шесть рублей,
новыми гордо буду зубами клацать,
и сам черт мне будет тогда не брат,
потому что проснусь я не стар, а млад,
беззаботный и благостный, словно в двадцать

лет. Вечереет праздник с живою му.
Отцветают женщины, но ему
хорошо. Хряпнув крепкого, гласом хриплым
запевает он во главе стола
(балычок, шампанское, все дела),
и трясет кудрями, и пахнет «Шипром»,

то есть ладаном и дубовым мхом.
А поют про рябину, про отчий дом,
и раскачиваются, и глядит на друга
лысый друг, и кривится его губа.
Ах, судьба, бормочет он, ах, судьба,
Только песня, в сущности, степь да вьюга...

VII.

Поздняя осень в московских пределах,
поле сражения красных и белых.
Кашляет сын, нездоров.
Гибли мы на поле, плакали во поле.
Две отставные вороны на тополе –
Бехтерев и Дегтярев.

Важно слетели к помойке. Обедают.
Каркают вдумчиво - верно, беседуют
про молодые голодные дни.
Жены и дети слушают речи их,
кружат вороны в краях человеческих -
как расплодились они!

Не говори мне, что мы проиграли.
Дальние теплоэлектроцентрали
паром исходят. Бредут по делам
жители города транспортных пробок,
трещин, железобетонных коробок,
города жалких реклам,

хмуρο несут колбасу и капусту
в тонких пакетах. Просторно и грустно.
Сыплет колючим снежком
на отсыревшие гнезда вороны.
Где же ты, где, суета новогодняя,
рокот гитары ночной?

Странствия, милый, обычно кончаются.
Именно этим наш брат отличается
от одноклеточных ангелов. Знать,
голос и город в нем необратимы,
слезы, как шлюзы по краю плотины –
и ничего не отнять.

VIII.

Строительные краны над Сайгоном
так высоки, что страшно. Облицовка
гостиниц – полированный гранит,
в торговых центрах чисто и просторно.
Толпа на мотороллерах спешит
куда-то, презирая светофоры,
все в масках марлевых, в американских джинсах.
И малый разрешается, и средний,
и крупный бизнес. Кто-то продает
шашлык из тараканов, кто-то – супчик,
который неимущие хлебают,
присев на корточки, иной торгует
французскими багетами, наследьем
эпохи колониализма, словом,
подъём при сохранении командных
высот в руках у партии.

Прости мне,
читатель, эту чушь. Меняем тему.

Диктаторы есть разные. Пройдохи
живут народным потом, паханы –
народной кровью. Хо Ши Мин, конечно,
был не из них, он был неисправимый
романтик, и борец, и патриот.
Он даже молодому Мандельштаму,
когда в Москву заехал из Парижа
разжиться денежкой у Коминтерна,
сумел мозги запудрить в интервью
журналу «Огонек». Потом дружил
с усатым людоедом, наколол
японцев и французов, раздолбал
американцев. И скончался в славе,
и завещал товарищам свой прах
развеять над отчизною, а те
многоколонный чудный мавзолей
соорудили, мумию вождя
в стеклянный гроб вложили, с притяженьем
земного лона грубую поверхность
морей, как полагается поэту,

сличать.

И пионеры юные поют:

*«Зачем мы по пятницам, дядюшка Хо,
змеиное пьем молоко?»*

*«Чтоб биться с врагами, чтоб яростней быть,
и родину жарче любить.*

*Ведь наша отрада, единый Вьетнам,
затем и завещана нам,
чтоб алое знамя с гербом золотым
плескалось над краем святым!»*

Билборды хороши в Сайгоне: мертвый вождь
с отеческой улыбкой созерцает
солдат, рабочих, химиков, колхозниц,
смеющихся от счастья. А толпа
на мотороллерах спешит, и деловито
глядит, и шлейфом газов выхлопных
окутывает немногочисленные церкви.

IX.

...Нет, мы здесь не одни - шарахаются тени
предшественников наших к подворотням,
свои стихи беспомощно твердя –
не заклинанье, а предупреждение.

Что Александр? на все лады клянет
глобализацию, автомобили
и – Бог весть почему – велосипеды,
потом, смирясь, смягчает, замечает
цветы Италии – на первом месте ирис,
сияющий и синий .

Николай,
воспев и розовый миндаль, и запах
тосканских трав, в историю ныряет,
созвездие имён употребляя:
«Савонарола», «Леонардо», «Алигьери».
А Михаил, распутный сибарит,
серьезного вообще не говорит.
Флоренция ему – лишь веточка мимозы
в петлице, сладкая игра, хрусталь, балкон,
апрель, безумие, одеколон,
и на рассвете – после всех объятий – слезы
блаженные.

Вот Алексей Сурков
в костюме мешковатом. Он, толков,
суров и вдохновеньем чудным полон,
в чужой стране, где пот рабочий солон,
сложил эклогу (мы так не смогли б)
Буонаротти, со словами вроде
«власть времени», «экстаз» и «холод глыб».

Все в мире повторится,
как уверял епископ: и птица
над Понте Веккио (сорока), и несметные
щедроты юности, и нищета, и смертные
движения долота. Канва. Елена. Пяльцы
и мрамор – бывший мел, то есть углекислый кальций,

сплоченный временем, как ткань стиха –
изгнанием.

Душа моя глуха.

Искусства – чувство, Арно – лучезарно,
трепещет – блещет, город – ворот, тот
который поднимает, от красот
постылых отворачиваясь, житель
блокадного дождя.

А ветер бредет на север,
и дева просвещенная моя
смеется кошкам в окнах, каруселям
на площадях, и немудреный профиль
(носатый, в непомерном капюшоне)
знай чертит пальцами на пыльных стеклах
заброшенной скрипичной мастерской.

Х.

Не рыдай, мой Леонардо, мой конструктор голубой.
Не летает? Ну и ладно, ну и славно, Бог с тобой.
Свет сожжет, любовь изложет, потускнеют честь и медь.
Человек взмывать не может, но зато умеет петь,

тешься: sapiens не кролик и не смертный раб совсем.
Есть такой в ютьюбе ролик (или девять, или семь):
Наострился homo в пропасть прыгать ради юных дев,
перепончатую лопасть на конечности надев.

Боже, как парят ребята, всякий смел, свободен, горд!
Так на родине когда-то парашютный правил спорт,
стратостат взлетал сквозь тучи, пузырился хлебный квас -
только нынешний покруче. Ах, как жаль, что не про нас,

не про наше поколение. Знаешь, мы заражены
как у Лермонтова, ленью, черной верностью жены
из Багрицкого. На скальпах плешь горит, зелена мать.
Не хотим в швейцарских Альпах трезвых птиц изображать.

Лучше сяду на летadlo, крылья из люминия,
Пусть меня доставит, падла, в те блаженные края.
где поют, сбиваясь часто, кровный мёд и молоко
безвоздушные гимнасты в черных сталинских трико.

XI.

Кто у нас лишний кто у нас грешный
в яблонях старых шелковый дым
первенца вишней братца черешней
девочек майским дождем проливным

Слезем-ка с дрожек вступим во дворик
ехали долго и далеко
первенцу ножик братцу топорик
малым сестренкам сережки в ушко

Тучей влюбленной, картой крапленой
тешится время, плюшевый лев.
Молнией грянет, горло поранит,
ляжет на стол шестеркою треф.

Что мы ответим выросшим детям
только полсвета исколесим
ключик скрипичный свечки привычной
в нашем предместье неугасим

а домовые, ножки кривые,
бродят по дому ручки скрестя
в карты играют дверь открывают
и просыпаясь плачет дитя

XII.

По важным господам, негордый бард,
я шестерил тогда, горячих точек
немало повидавший... переводчик?
Нет, чуть повыше рангом. Лангобард?
Нет. Перельман? А! Вспомнил - драгоман!
В костюмчике, в очочках, скромный гномик
при гоблинах тайком мечтал роман
о крахе постсоветских экономик
состряпать, взяв примером некий хим-
завод или колхоз, светло и просто
святая бессмертный памятник лихим,
(как морщатся сегодня) девяностым.

Увы мне! Труд мой был отвергнут всеми
редакциями. Выяснилось, что я
дурной стилист, что в социальной теме
не разбираюсь, и вообще, друзья,
за прозу браться – видит Бог, нелепость
для тех, кто по лирической тропе
ползет. Ведь эрос мне милей, чем эпос,
танатос – как-то ближе ВВП.
Но это к слову. (А дороже слова
я ничего не знал). Беги, строка -
бесснежной музыки нетвердая основа -
не дольше сна, не гибче языка

гадючьего, не слаще волчьих ягод.
Ни на день не загадывать, ни на год.
Все отберут. Не восторгаться. Жмых
жизни: черепа архаров круторогих
(из Красной книги) на обочине дороги
в Китай, и джигитовку удалых

кара-киргизов, и росу на розе -
пожертвуем, смеясь, той самой прозе,
к которой неспособны.

Вертолет
скользил между горами. Зябко, грустно,
беспомощно мне было.

Для искусства
и для дыхания Господь создал природу

ужасно много.

Например, Тоскана
воронежская. Суздаль, огород
монашеский. Байкал, приют бурята
и хариуса. Бронзовый Тибет,
которым просвещенные юнцы
ну прямо бредят, да.

Но знаешь образцы
необжитой вселенной? Там ни гонга,
ни фрески, ни отважного Армстронга.
Базальт и снег. Озера синие мертвы.
Свобода, но чужая. Немоощь, тяжесть.
Я, тот, кто смерти лепетал «иду на вы»,
с Памиром спорить не отважусь.

У, как серьезно! Соплеменник, брось
занудствовать, радея ли, рыдая
о юности.

Умрем.

Зато земная ось
наклонена, как шпага молодая.